

18+

Вера Капьянидзе

*Тород-
мираж*

Вера Капьянидзе

Город-мираж

«Издательские решения»

Капьянидзе В.

Город-мираж / В. Капьянидзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986629-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Китайская мудрость гласит: «Камни прошлого — это ступени к будущему». И только взрослея и оглядываясь назад, мы начинаем понимать эту мудрость. Но для многих прошлое — лишь миражи, которые не каждому дано увидеть. Эта книга — размышление о жизни, о людях, которые живут или жили рядом с нами, воспоминания о них. И только на страницах книги мы можем вновь встретиться с ними, оживить миражи.

ISBN 978-5-44-986629-5

© Капьянидзе В.
© Издательские решения

Содержание

РАССКАЗЫ	6
ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ	7
ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ	21
ЛЕТО В ГРУЗИИ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Город-мираж

Вера Капьянидзе

© Вера Капьянидзе, 2024

ISBN 978-5-4498-6629-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

После рабочей смены домой идти не хотелось. В последнее время Сереге от бабки не стало никакого житья. О чем бы не начинался разговор, все, в конце концов, сводилось к Аиде. Серега посидел на бревне за палаткой, выпил с мужиками портвейна. Но с ними было неинтересно: только и разговоров, что про работу, да зарплату. Никакой радости для души. Серега поднялся:

- Ладно, мужики, я пошел. А то бабка загрызет.
- Бабка или бабонька? – заржали мужики.
- Да ну вас... – отмахнулся от них Серега.

После морозного воздуха заходить в душную, пропахшую каким-то особым старушечьим запахом квартиру не хотелось. Все, привычное с детства, стало сейчас противно. А все из-за бабки: пилит и пилит. Настоящую охоту на них с Аидой устроила.

На улице было по-зимнему темно, но не холодно. В этом году зима явно не спешила: скоро Новый год, а снега все нет. Серега пристроился напротив окон их квартиры, в разбитой и загаженной собаками песочнице, закурил. Сегодняшний вечер безнадежно потерян. Аиды сегодня не будет: поехала перевозить старую Матрену к своим родителям. И сотовый почему-то выключила. Может, деньги кончились, или зарядка? Как будто не знает, как ему одиноко и неуютно в этой жизни без нее...

Серега на всю жизнь запомнил день, когда он первый раз увидел Аиду. Это было семь лет назад. Аида с Пашкой возвращались из ресторана – со своей свадьбы. В сумраке весенней ночи, окутанной дурманящим запахом черемухи, Аида, в свадебном платье и фате показалась ему неземным существом, ангелом, спустившимся с небес. Сказочное видение, из его грез и видений, сладко мучавших по ночам. Она вся светилась от ожидания первой брачной ночи, а восточные глаза томно и бесстыдно млели, как у кошки, и не видели в этом мире никого кроме этого обалдую Пашки. Сереге было тогда пятнадцать лет, но при виде такой красоты у него сперло дыхание и закружилась голова, как после первой сигареты.

– Везет же дуракам! – завистливо проговорил, сплюнув сквозь зубы Шурка – дружок Сереги. – Такому уроду и такая телка досталась!

– Да-а, только с зоны отчались, и такая девка на этого урода клюнула! – поддакнул Серега, едва пришедший в себя. – И что она в этом Квазимоде нашла?

Тут Серега явно грешил против правды. Если честно, Аиде было на что клевать. По этому высокому, стройному, с косою саженью в плечах, со стремительной, летящей походкой, веселому и бесшабашному голубоглазому красавцу сохла не одна девчонка в городе. Серега даже слышал, что перед самой свадьбой с Аидой приходили разбираться Пашкины брошенные пассии, но она, хоть и пострадала от них, от своего счастья не отказалась. Билась с ними не на жизнь, а на смерть. И вот сейчас торжествовала свою победу.

Серега не любил Пашку. Их семьи связывала многолетняя женская дружба. Когда-то их прабабки-подружки привезли с фронта своих дочек, потом эти дочки родили себе еще дочек: матерей Пашки и Сереги. Эти последние дочки из династии неприкаянных одиночеств подкачали: Пашкина мать – тетя Галя спилась, а Серегина – та еще чище учудила: зарезала по бытовухе своего сожителя, и сгинула где-то по тюрьмам, оставив двухлетнего Сережку в полное бабкино пользование. На пацанах эта генетически-наследственная дружба дала сбой.

Серега был на пять лет младше, и ему приходилось донашивать за Пашкой вещи, играть его поломанными игрушками. Потому и жизнь складывалась, как с чужого плеча. Все за него решала бабка. Решила, что надо идти в сварщики: «Без работы никогда не останешься, зарабатывают неплохо, и на пенсию раньше пойдешь», И Серега пошел в ПТУ. Даже на завод, где сама когда-то работала, пристроила. И попробуй, что не по ее сделать – все мозги высушит!

Не то, что Пашка! Живет, как левая нога захочет. Серега всегда считал его баловнем судьбы. Даже то, что Пашка успел отсидеть полтора года, вызывало у Сереги искреннюю зависть. Как же, тюремная романтика, школа жизни! А что он сам из себя представляет? Обыкновенная, серенькая личность. Школа, ПТУ, армия. Ничего интересного. Плюнуть и растереть! И внешностью тоже не вышел: среднего росточка, обыкновенный хиляк, да еще рожа, словно вечно чем-то недовольная. Да такая, как Аида, в его сторону и смотреть не станет. И Серега, стесняясь себя, старался избегать даже случайных встреч с ней.

Пашка, женившись, своим привычкам не изменил. Он по-прежнему, метался с одной работы на другую, ища, где легче и денежнее. Но нигде не задерживался дольше первой полочки. Гулял, пил, дрался... Аида бегала за ним собачонкой, вытягивая из веселых компаний, притаскивая домой в бесчувственном состоянии, отхаживала, обмывала и обстирывала, чтобы через неделю начать все сначала. Закономерного конца долго ждать не пришлось. Вскоре Пашка загремел на второй срок, из которого Аида ждала его уже с сыном. Она еще наивно верила, что ее любовь к Пашке сумеет победить все трудности, что все у них наладится. Мало ли чего не бывает в жизни? Ну, оступился, дружки помогли, затянули. Но, когда за вторым сроком последовал и третий – за грабеж, только тогда Аида поняла, что это не ошибки молодости, и дружки не виноваты, и никакой другой жизни у них с Пашкой в будущем не предвидится. Борису, их сынишке было четыре года, когда она подала на развод, пока Пашка в третьей отсидке чалился. Но старую Матрену – Пашкину прабабушку и свою свекровь – алкоголичку Галю не бросала. Привозила продукты, самогонку, которой торговала ее мать, для свекрови. Нередко и деньгами ссужала «бедных родственников» в благодарность за то, что старая Матрена прописала Борису в квартиру. Наводила в квартире порядок, готовила им, нередко оставаясь ночевать.

Для Сереги этот развод стал приятной новостью. С удивлением для себя он обнаружил, что надежда не умирала в нем с того самого вечера. Она таилась в глубинах его души все эти долгие семь лет, как змея в зимней спячке, ждала своего часа. А сейчас зашевелилась, мучая, терзая, и нашептывая по ночам сладкие сны, полные упоительных надежд. Он жил этими снами-грезами. Они переплетались с явью, и было не понятно, что привиделось в горячечных снах, а о чем только мечталось. Он любил Аиду, как школьники тайно влюбляются в своих молодых учителей: романтично и мучительно, скрывая ото всех недостижимую и запретную страсть.

Серега взглянул на окна соседей: как раз под их квартирой. Сколько таких долгих, одиноких вечеров просидел он в этой песочнице, выглядывая Аидин силуэт. Сейчас в незашторенном окне металась пьяная тетя Галя. Видно было, как она шарится в серванте, в шкафу, в кухонных ящиках. «Бутылку ищет», – догадался Серега.

Этажом выше окно тускло мерцало синевой телевизора. «И чего ей не спится?» – зло подумал Серега про бабку. У него уже подмерзли ноги, но встречаться с бабкой и разговаривать ему не хотелось. «Посижу еще, завтра не на работу, выплюсь», – подумал он.

У Сереги был замкнутый, угрюмый характер – подстать его внешности: хмурое, вечно озабоченное лицо с низким лбом, насупленные густые брови, из-под которых по-волчьи выглядывали маленькие серенькие глазки, тяжелый, словно рубленный топором подбородок и тонкие губы придавали его лицу выражение жестокости. Невысокого роста, сутуловатый, с длинными, мешающими руками, он здорово комплексовал из-за своей внешности, и с каждым годом замыкался в себе все больше. Несмотря на это, у него все же были девчонки и в армии, и после, но все это было совсем не то, как-то не зажигало, не будоражило. Все эти связи были недолгими, и все в них было обыденно, с неприятным осадком, с чувством вины, как после тяжелого похмелья. Он был уверен, что с Аидой все было бы иначе. В своих мечтах он был готов утопить ее в цветах, одарить самыми дорогими подарками, исполнить любое ее желание, да что там – желание, он за ней по горящим углям бы пошел босиком, если бы только позвала.

«Такие женщины, – думал он, – рождаются один раз в столетие. Правильная женщина, не то, что нынешние молодые. Тем только богатых да крутых подавай. Нет, Аида не из таких. Столько лет промучилась со своим Пашкой! Такая женщина – надежный тыл. Вот и Матрену с тетей Галей не бросает, заботится о них, хотя кто она им, если подумать?.. И почему Бог при распределении ошибся: не тому ее предназначил? Это надо исправить».

И Серега начал действовать. Теперь он каждый вечер забегал к старой Матрене под предлогом, что ему надо позвонить Шурке. У них не было городского телефона, и они свободно, породственному пользовались соседским. Месяца через два Серега почувствовал, что лед тронулся. Аида пригласила его на чай! Через месяц эти чаепития и долгие вечерние беседы уже прочно вошли в их жизнь. А еще через полгода Серега осмелился пригласить Аиду на концерт какой-то заезжей московской группы. После концерта они долго бродили по усталому, затихающему городу, шелестя багрянцем опавшей листвы. То ли от любимого с детства терпкого запаха осенних костров, то ли от близости Аиды у Сереги удушливо ело глаза, трепетало сердце, и кружилась голова. Глупая рыбая улыбка, не сходила с лица. Он понимал, что выглядит глупо, но ничего не мог с собой поделать. «Хорошо, что темно, хоть Аида не видит моей рожи», – думал он.

Потом, уже в подъезде он несмело притянул к себе Аиду, потянулся к ней, отыскивая губами, и с ужасом думая, что вот сейчас придет конец всему: этому чудному вечеру, его мимолетному счастью, их чаепитиям с долгими разговорами... Но не в силах перебороть себя, отодвинуть приближение конца хотя бы на миг, наконец, нашел то, чего так долго и страстно желал...

– А я давно заметила, что нравлюсь тебе, – рассмеялась Аида, глядя на обалдевшего от счастья Серегу. – Все ждала, когда же ты, наконец, решишься.

– Да? – глупо улыбаясь, опять тянулся он жадными губами и осмелевшими руками к Аиде. – А что же молчала столько времени?

– Дурашка, – ласково теребя ему волосы, проговорила Аида, – ну, кто же должен об этом говорить?

Они простояли в подъезде чуть не до утра. Аида отдалась ему там же, в подъезде. Правда, получилось все как-то скомкано и глупо. То ли от неожиданно свалившегося на него долгожданного счастья, то ли от страха быть застуканными, Серега нервничал, торопился, и ничего толком не понял. С того вечера для Сереги началась новая жизнь. Он жадно ловил каждое ее мгновение, радовался каждому, дню, часу, минуте. У него изменилась походка, расправились плечи, и сам он, казалось, стал выше ростом. Даже осень с ее затяжными дождями, с беспросветным небом не угнетала, а приносила чувство умиротворения, навевала мысли о вечном, добром, мудром...

Позже они с Аидой создали целую конспиративную сеть. На работе Серега напросился во вторую смену и, если, возвращаясь с работы, он видел на окне у Аиды дурацкую кошку-копилку времен царя Гороха, значит, сегодня была его ночь. В такие дни Аида незаметно подсыпала димедрола в самогон Гале и в чай старой Матрене, и те спали без задних ног, пока они с Аидой на ее диванчике, втиснутом в кухню, занимались тем, чем и положено заниматься молодым, здоровым, полным любви и желания людям. Иногда Серега задерживался на этом диванчике чуть не до утра, а бабке бессовестно врал, про авралы на работе, про невыполнение плана. А по выходным они с Аидой ездили на заброшенную дачу ее подруги. Это были самые чудесные дни в его жизни. В маленьком, перекошенном, продуваемом всеми ветрами, игрушечном домике они были предоставлены самим себе. Здесь они чувствовали себя настоящей семьей. Серега с удовольствием колот дрова, топил печку, носил воду. Аида радостно копошилась у печки, что-то стряпала, даже умудрялась печь, удивляя Серегу своими кулинарными способностями. И так им хорошо было вдвоем, вдали от надоевших старух, свекрови, тесных и душных квартир. Здесь им не надо было притворяться и прятаться. Они здесь были

сами собой: счастливыми от близости, любимыми, заботливыми. Наверное, думалось Сереге, так и Адаму с Евой было по кайфу в Эдемском саду.

Месяца через два бабка вроде бы невзначай поинтересовалась:

– У тебя, не страшно ли чего, парень? Может, скрываешь, что от меня?

– Да что мне скрывать?

– А чего-то ты не такой стал. Никак, девку себе завел? – добродушно и вроде как даже с юмором начала она.

– А что, заметно? – хмыкнул, удивившись бабкиной прозорливости, Серега. Вроде он так старательно снимал радость с лица перед входом в дом.

– А то нет! Глазки-то вон как светятся, и лампочки никакой не надо.

Серега взглянул на себя в зеркало. Глаза из-под насупленных бровей и, правда, сияли каким-то особым, внутренним светом, который невозможно было ничем потушить. И он, совершенно глупо разублаившись своему отражению, сознался:

– Ну, есть такое дело...

– Вот, меня не обманешь! – гордая своей догадливостью обрадовалась бабка. – А что, уже и пора бы. Эт хорошо, дело молодое. Не бобылем же тебе оставаться. Ну, и что, у тебя это... серьезно, или как?

– Я думаю, что серьезнее не бывает, – обрадовал Серега бабку.

– Так хоть познакомил бы тогда, что ли? – предложила бабка.

– А чего знакомить-то? – отмахнулся Серега.

– Как это чего? – забеспокоилась бабка. – Надо все заранее продумать: и про свадьбу, и где жить станете. Ведь я, поди, не чужая тебе.

– Да я не в том смысле, – пояснил Серега. – Просто ты ее и без меня знаешь.

– Это кто же такая будет? – заинтересовалась бабка.

– Аида.

Бабка разлитым киселем сползла на стул.

– Это какая же такая Аида? – почему-то шепотом спросила она, ткнув пальцем в пол. – Уж не Пашкина ли?

– Угу, она. – Расцвел в улыбке Серега.

– Батюшки светы! Ты, никак, малый, совсем с ума спятил? Ты что же такое вытворяешь, ирод проклятый! – неожиданно бойко вскочила она, пытаясь огреть Серегу полотенцем.

– Ты чего, ба? – уворачивался он от нее, как от надоедливой мухи. – Хватит тебе...

– Я тебе покажу, хватит, я тебе покажу, хватит! Так хватану, что мало не покажется! – не на шутку разошлась бабка.

– Да ты чего, в самом деле? – отбивался Серега. Он никак не ожидал от бабки такой реакции.

– Да ты хоть соображаешь, куда ты лезешь-то? – запыхалась бабка в беготне за Серегой вокруг стола.

– Тоже мне, «девку» он нашел! – передразнила она Серегу, устало опускаясь на стул. – Бабу замужню!

– Она же развелась. И чем она тебе не нравится? Сама же все время говорила, что Пашке повезло, как дураку.

– То Пашке, а то – тебе! Неужели не видишь разницы? Какая же порядочная девка за этого уголовника пойдет? Да и старше тебя она. Неужели не мог найти молодую?

– Всего-то на пять лет...

– Жаль, что не на пятнадцать.

– А что такого? Пугачева же с Галкиным живут?

– С жиру бесятся... А Пашка через три года вернется? Да тут же смертоубийство будет! Выкинь ты эту блажь из головы! – не могла успокоиться бабка.

– Да развелась она с ним...

– Это она с ним развелась, а он с ней – это еще вопрос. Ой, Сережка, чуёт мое сердце беду. Ой, лихо мне...

– Да ладно тебе, ба, все будет нормально, – пытался успокоить ее Серега.

Но это еще больше подогрело бабку.

– Ну, уж нет, я этого так не оставлю! Завтра же с этой шалавой поговорю, она у меня и смотреть в твою сторону перестанет. – Угрожающе потрясла сморщенным кулачком бабка.

– Только попробуй! – тихо, но твердо сказал Серега. – Это мое дело, и я сам во всем разберусь. – И выскочил из дома, хлопнув в сердцах дверь.

Бабка сразу сникла, словно внутри ее сдулся воздушный шарик. Она поняла, что власть ее над безропотным внуком закончилась.

Когда-то бабка работала на двух работах, чтобы ее дочь без отца, бросившего их, росла «не хуже других». Хотелось доказать своему непутевому мужу, что они и без него не пропадут. Старалась ни в чем не отказывать Валюше. Вечно занятая работой, она проглядела дочь, с малолетства предоставленную самой себе, школе, продленкам и пионерским лагерям. Пить и гулять Валюша начала лет с тринадцати. Тогда же и школу бросила, неделями пропадая по каким-то притонам. Бабка с ног сбилась, вылавливая и вытаскивая ее – пьяную, битую, полуживую. Валюша отлеживалась недели две, ходила тихая, виноватая, а потом все повторялось снова... На Сереге бабка твердо решила исправить свои педагогические ошибки. Воспитывала внука строго, муштруя, наставляя, поучая и наказывая за малую провинность. Следила за каждым его шагом. Все решала за него сама: что и где ему надо сказать, сделать, одеть, куда пойти учиться, работать. И Сергей, с детства привыкший к командному натиску бабки, вырос молчаливым, замкнутым, нерешительным, во всем согласным с бабкой. И вдруг – такое сопротивление! Бабка с ужасом поняла, что власть ее над внуком закончилась бесповоротно. Но на следующий день все же предупредила его:

– Смотри, Сережка, пока я жива, шалаву эту на порог не пущу!

Тогда Серега понял, что мира у них с бабкой не будет. Зря он мечтал, что приведет Аиду в свой дом полноправной хозяйкой на смену бабке. Придется выбирать одно из двух. Но для него это был не вопрос. Дороже Аиды для него никого в этом мире не существовало. Он готов был не только душу, жизнь за нее отдать, если понадобится.

Тогда же и с дружкой своим – Шуркой, поругался. Это был единственный человек, с кем Сереге было интересно на этой земле. Он уважал Шурку. Тот еще со школьных времен считался ботаном, много читал, и даже закончил техникум. И еще Шурке повезло в жизни – у него был отец. Они всегда понимали друг друга, но тут Шурка впервые почему-то не понял его.

– Ну, ты даешь! – искренне удивился он, узнав про Аиду. – Сам жаловался, что надоело за Пашкой его сопли подбирать. А тут вдруг бабу его перехватил? Не боишься?..

Серега не удержался, схватил его за грудки:

– Никакая она тебе не баба, понял? – выверился он.

– Да пошел ты, придурок, – обиделся Шурка.

С тех пор между ними, как черная кошка пробежала

Аиде тоже никакого житья не стало от свекрови: та, узнав все от бабки, без конца скандалила и пугала ее Пашкой, не воспринимая всерьез развод с Пашкой.

У Сереги окончательно замерзли ноги. Надо было идти домой.

– Сереж, ты? – услышав стук входной двери, оторвалась бабка от экрана.

– Я.

– Что так поздно-то?

– А ты чего не спишь? – спросил Серега.

– Да тебя вот жду, – засуетилась бабка на кухне, собирая ему немудреный ужин.

– Что смотришь?

– Ох, да что там смотреть! Одни убийства, менты да происшествия. Опять показывали, как пьяницы пожары устраивают. И куда только Бог смотрит? Одни пьют, а другие из-за них страдают.

– Ты о чем это? – поинтересовался Серега скорее для того, чтобы бабка не завела свою обычную пластинку про Аиду.

– Да вон в происшествиях по городу показали: алкаш какой-то напился, как свинья, да и заснул с сигаретой. Три квартиры начисто сгорело по его вине. Ведь ты подумай, люди годами добро наживали, а с него теперь что взять-то? И на государство надежды никакой. О-хо-хо, и что за жизнь пошла, – привычно запричитала бабка. – Раньше их хоть в ЛТП можно было сдать, а теперь на этих алкашей никакой управы не найдешь. Попадется вот такой сосед, и все – останешься через него гол, как сокол. Когда-нибудь и Галька, – бабка ткнула ложкой в пол, – вот так спалит нас, чего доброго... Что молчишь-то?

– А что тут скажешь? Согласен. – Буркнул Серега.

– Никак, ты еще ничего не знаешь? – удивленно вскинула бровь бабка.

– А что я должен знать? – пожал Серега плечами.

– Тебе, Аидка-то ничего не говорила, что ли?

– Нет, – насторожился Серега. – А что?

– У них с Галькой сегодня такая война была! Уж как орали-то, страх просто! Как резаные!

– Какая война?

– Да Галька совсем, видать, мозги пропила. Не знаю, с чего уж у них все началось, только кинулась она на Аидку драться, дура пьяная. Соседи еле разняли их. Галька-то Аидке всю морду расцарапала...

– Ну? – нетерпеливо подгонял замолчавшую бабку Серега.

– Ну и все. Переругались, передрались, Аидка сразу же такси вызвала. И Матрену с собой забрала. Бабку, видать, жалеет очень. Не будет теперь, наверное, к Гальке-то ездить. Достала она ее вконец. Да и у кого ж терпения на эту алкашку хватит?.. Бросил бы ты ее, а, Сереж? – заискивающе попросила бабка. – Ну что ты себе молоденькую девчонку не найдешь, что ли?...

– Это что тебе, игрушка? – Зло усмехнулся Серега, – Поиграл, и выбросил? Ну, ты, ба, даешь!

Серега никак не мог заснуть, как ни старался. Разные мысли лезли ему в голову. «Что же у них произошло? И не позвонишь: сотовый зачем-то вырубила. А родителям звонить не разрешала – скрывала их отношения... Нет, ну эта, пьяница! Ей-то чего надо? Как она вообще посмела поднять руку на Аиду? Жаль, меня дома не было, я бы ей показал, как руки распускать! Ну, нет, я этого так не оставлю! Надо ее проучить, чтобы знала свое место, алкашка проклятая!» – распалял себя Серега. Ему было противно представить, что какая-то опустившаяся алкашка, недочеловек, вошь, которая по какому-то глупому упущению коптит небо, смогла поднять руку на самое святое для него – на добрую и ласковую Аиду. «Была бы моя воля, вообще бы изолировал таких от общества, чтобы не мешали жить нормальным людям» ... Серега брезгливо передернулся, представив грязную, опухшую от беспробудной пьянки, пропахшую мочой и перегаром, тетю Галю и рядом – свою Аиду... «Ты посмотри, ведь даже Бог не прибирает такую мразь. Видно, такие и ему без надобности», – совсем как бабка, зло подумал он. – «А что, если?..» В его голове начал созревать еще смутный, но страшный план. Поначалу он испугался. Бешено забилось сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Серега даже забеспокоился, не услышала ли бабка, как оно колотится? Но бабка уже безмятежно спала. Серега попытался отогнать от себя эту страшную мысль, перевернулся на другой бок, и даже крепко зажмурил глаза, пытаясь заснуть. Но мысль, пришедшая в голову, не отпускала. Немного придя в себя, он подумал: «А что, собственно, плохого я сделаю? Она и сама через год-другой

от своей пьянки помрет... Да все только вздохнут от облегчения, всех уже достала своей пьяной рожей... Ведь из-за нее Аида теперь вообще не приедет сюда. Как только эта тварь еще посмела к ней прикоснуться»...

Сергея еще долго лежал, боясь пошевелиться, чтобы, не дай Бог, разбудить или насторожить бабушку лишним движением. Он думал, думал, думал...

В три часа утра, когда ни в доме, ни за окном не слышно было ни звука, кроме размеренного храпа бабушки, Сергей встал, и, не включая света, как был, в одних трусах, нырнув в тапки, в полной темноте на цыпочках, тенью прошмыгнул в прихожую. Там, с гвоздика на стене на ощупь нашел ключи от Матрениной квартиры, которые всегда висели у них, и аккуратно, без единого звука открыв дверь, проскользнул в подъезд. Прикрыв за собой дверь, постоял немного, переводя дух и прислушиваясь, не проснулась ли бабушка. За дверью было тихо. Тогда он бесшумно спустился этажом ниже, открыл дверь...

В квартире было темно, душно, и почему-то остро пахло каким-то лекарством. «Настойки пила, – догадался Сергей. – Вот сволочь! А завтра с утра будут звонить: «Аидочка, девочка, помоги, умираю»... Сергей ужаснулся от этой мысли. Вернее, от одного слова «завтра», и сердце в груди вдруг бахнуло с такой силой, что он даже прислонился к стене, чтобы не упасть... Свет уличного фонаря сквозь незашторенные окна едва пробивал темноту ночи. Сергей постоял немного, успокаивая сердце и привыкая к темноте и вони от невымытых стаканов, окурков, невымытого тела, мочи... Тетя Галя спала на Аидином диванчике. Это почему-то до ярости взбесило Сергея. «Вот вонючка! Свою постель всю обоссала, еще и на Аидину завалилась!» Ему было больно и обидно, что их любовное ложе опоганено, словно пьяная тетя Галя пыталась растоптать его любовь, и у него отпали всякие сомнения в праведности задуманного им дела...

На грязном, липком столе, среди грязной посуды, пузырьков от каких-то лекарств и окурков, Сергей отыскал кухонный нож, осторожно вспорол матрас в ногах у Галины, которая спала пьяным, беспробудным сном...

Вата никак не хотела загораться. Ему пришлось помучиться. Он растеребил сбившийся комок, поискал бумажку, взглядом наткнулся на висевший на стене отрывной календарь, оторвал несколько листочков, засунул их в середину встрепанной ваты и поджег. Потом осторожно, чтобы не разбудить тетю Галю, потянулся, чтобы закрыть плотнее форточку. В этот момент тетя Галя, словно почувствовала движение воздуха, зашевелилась и даже что-то нечленораздельно и пьяно закричала. Сергей в ужасе застыл. Липкий, противный пот струйкой стекал по ложбинке на спине прямо в трусы. «Все, кранты»!..

Но, прокричав что-то нецензурное, она, так и не проснувшись, перевернулась на другой бок. Сергей немного постоял, посмотрел, как начала тлеть вата. Потом вышел, плотно закрыл за собой дверь в маленькую кухню, и так же крадучись вернулся в свою квартиру. Только тут он почувствовал, что сильно замерз. Его бил такой озноб, что все тело ходило ходуном, и зубы стучали то ли от холода, то ли от нервного напряжения. Он замотался с головой в одеяло, и еще долго не мог согреться, чутко прислушиваясь к каждому шороху и звуку, и старательно приносясь, по-звериному поводя ноздрями...

Бабушка поднялась в семь часов. Потоптавшись без дела на кухне с полчаса, она куда-то ушла. Потом зачем-то ненадолго вернулась, и опять торопливо ушла. «За ключами пришла», – догадался Сергей, но с постели не встал. Около часа бабушки не было, и Сергей даже задремал: бессонная ночь взяла свое. Потом бабушка ворвалась домой и бесцеремонно начала тормошить Сергея.

– Дай поспать хоть в субботу. Мне же не на работу, – притворился Сергей крепко спящим.

– Сережка, беда! Галька сгорела! – бормотала перепуганная насмерть бабушка, теребя Сергея.

Из подъезда уже доносились встревоженные голоса соседей: бабка не плотно прикрыла дверь.

– Как сгорела?! – сел Серега на кровати, изображая неподдельный испуг.

– Ох, я вчера, как в воду смотрела... Заснула, видать, с сигаретой, матрас загорелся, всю ночь, наверное, тлел... Угорела насмерть! Давай, Сереженька, вызывай Аиду. Как еще пожар не полыхнул, не знаю. Дом весь мог бы сгореть. Не иначе, Бог нас всех уберег. Давай, давай, звони Аиде-то, я их телефона не знаю. Надежде я уж позвонила – едет, и пожарников вызвала.

– А что, сильно горит?

– Да нет, уже ничего не горит. Соседи помогли. Там дыму было больше. От дыма она, видать, и угорела. Матрас только и обгорел, да диван немного.

– А зачем же тогда пожарников вызвала?

– Да я со страху и пожарников, и милицию вызвала... Ох, беда с этими алкашами! Я пойду, а ты звони, звони Аиде-то...

Серега не стал спускаться к соседям. Ему было страшно идти туда, хотя очень тянуло. Казалось, что он что-то забыл, не так сделал, оставил какие-то следы... Он позвонил Аиде на городской с сотового, оделся, умылся, пошел на кухню, разогрел чайник и сел пить кофе, поглядывая в окно. Наконец-то пошел снег, которого так долго ждали в этом году. Тяжелыми мокрыми комьями он налипал на голые, черные ветви деревьев, кустов, белым скорбным саваном уже прикрыл неприглядные следы человеческой цивилизации. Только кое-где из-под его скатерти-промокашки еще выглядывали бутылки, не собранные утренним рейдом бомжей, да бугрились пакеты. Во двор гигантской радостно-красной божьей коровкой осторожно вползла пожарная машина, с жадностью слизывая с дороги россыпи белоснежной сахарной пудры и оставляя после себя грязно-бурую жижу. «Какая гадость! – уныло подумал Серега. – Почему так устроено, что человек несет в этот мир только мерзость, грязь и разруху?» Следом за пожарными подъехали и менты. «Не пойду, – решил он, – Вызовут, если понадобится. Надо поменьше маячить там». Пожарники вскоре уехали, видно, делать им было нечего. А менты остались. Через полчаса приехала Аида с родителями на старом обшарпанном «Жигуленке», а почти следом за ними – баба Надя – Галькина мать. Серега, немного помешкав, все же спустился вниз. Тетя Галя лежала все там же, на диванчике, но уже с головой накрытая простыней...

– Еще один! Любопытство разбирает? – недовольно пробурчал милиционер. В небольшой квартирке было не протолкнуться.

– Это внук мой, – заступилась за него бабка, как главный свидетель происшествия.

Менты опрашивали перепуганную Аиду.

– Вы проживали с потерпевшей?

– Постоянно не проживала, но часто у них бывала, ухаживала за ними...

– А вчера были?

– Днем была, а в четыре часа уехала.

– Кто это сможет подтвердить?

– Я могу подтвердить, – вскинулась бабка.

Серегины расчеты полностью оправдались. Милиция, опросив соседей и родственников, уголовного дела не стала заводить. Чего его заводить, и так все понятно. Следов поджога не обнаружено, да и кому оно надо? Велика птица, чтобы ее поджигать! Сколько алкашей так сгорают... В квартире ничего не пропало и не сгорело, не считая матраса, одеяла, постельного белья, да дивана. Все же, Сереге пришлось понервничать. Молодой опер, пока старший писал протокол, что-то высматривал в квартире, а потом вдруг спрашивает:

– А чего это у нее на календаре уже 22 декабря? А сегодня только 15. Подозрительно... Для чего она раньше времени листки оборвала?

– Вчера 14 было, я хорошо помню. Сама отрывала листок, – удивилась и Аида.

У Сереги внутри все похолодело и предательски затряслись руки...

– Да не загружайся ты, – беззаботно отмахнулся старший напарник, – для туалета, наверное...

– Странно. И очаг возгорания почему-то в ногах. Она что ногой сигарету держала?

– Во, Пинкертон на мою голову! Да брось ты заморачиваться! Сидела, курила, уронила сигарету, а сама дрыхнуть завалилась, вот очаг в ногах и оказался. Пьяная же была. Все понятно...

Аида все эти беспокойные дни была занята: надо было отмыть и привести в порядок квартиру, готовить поминки. Это и хорошо. Конечно, Серега и не собирался ей ничего рассказывать, но так хоть было время успокоиться и прийти в себя. Особых угрызений совести и вины он не чувствовал. Просто было не по себе и какая-то каменная тяжесть давила на сердце, не отпускала. Утешало одно: теперь Аида, наверное, привезет назад старую Матрену. А, может быть, и сама переедет, не будет мотаться на два дома, и все будет, как прежде...

Пашку на похороны матери из зоны не отпустили. Похороны прошли спокойно. Не было ни слез, ни истерик, и валерьянка осталась невостребованной. Одна только баба Надя – мать Галины, словно спохватившись, заплакала, когда гроб опускали в могилу.

Новый год справляли с Аидиными родителями и сестрой Нино. Тогда же и объявили, что подали заявление в ЗАГС. Этому предшествовало какое-то совершенно глупое противостояние. Оказалось, что к этому времени Аида ждет ребенка, но оставлять его не хочет. Серега возмутился: как, убить его ребенка?! Выходит, зря он мечтал о сыне? Может быть, это единственное, что он оставит после себя на этой земле? Нет, так нельзя! Нельзя убивать в человеке мечту! Аида отнекивалась разницей в возрасте, Борисом, неустроенностью...

– Скажи честно, ты Пашку боишься? – вдруг догадался Сергей.

Аида только кивнула в ответ.

– Глупенькая, запомни раз и навсегда: я тебя никому не дам в обиду, а тем более своего сына. Никто и никогда не посмеет обидеть вас даже словом, поняла? И ничего не бойся, все будет нормально!

Новость о браке особо никого не обрадовала.

– А жить как будете? – хмуро спросил Арсен – отец Аиды.

– Как? Нормально жить будем. Я сварщиком на заводе работаю. Зарабатываю вроде бы неплохо...

– Нет, он спрашивает, где будете жить? – продублировала Роксана мужа, плохо говорившего по-русски.

Серега замялся:

– Пока еще не решили. Квартиру снимать, наверное, будем.

Большую свадьбу собирать не стали. Перед самой свадьбой Мать Аиды – Роксана, ошпарилась самогонкой. Стала разливать только что согнанную, еще дымящуюся из трехлитрового баллона по бутылкам, а баллон в ее руках ни с того, ни с сего лопнул. Обварила грудь, живот, руки – смотреть страшно, живое мясо! В больницу, конечно, обращаться не стала: начнут опрашивать что, да как, еще в милицию дело передадут. Лечилась дома сама, как могла. Так что, не до свадебной пышности всем было. Непривычно тихо, без танцев и песен отметили в доме родителей Аиды – бывшем бараке, разделенном на квартиры, это событие. Бабка от своего так и не отступилась: не пришла на свадьбу. «Ну, и ладно, обойдусь и без тебя», – злился на нее Сергей.

Цены за наем квартиры подпрыгнули до заоблачных высот. Пришлось Роксане идти на поклон к бабке Лиде – старухе, над которой они взяли опеку за то, что та подписала свою квартирку на Аидину сестру Нино. Старуха была разобижена на все семейство. Обещали взять к себе, а вместо этого привезли какую-то чужую старуху. Еле уговорили старую Лидуху пустить к себе на постой Аиду с мужем. Целыми днями обиженная старуха ругала Аиду, на чем

свет стоит. Все ей было не так, и не эдак. А уж когда своим полузрячим, но цепким глазом заметила, что Аида ждет ребенка, вообще из себя вышла:

– Вы что же, опекунство надо мной взяли, чтобы издеваться? Мне, старой, покой нужен, а твой выродок будет мне тут день и ночь орать? Ну, уж нет, погодите, устрою я вам! – грозила она, потрясая сухонькими кулачками. – Подожду себя, как твоя свекровка, люди-то догадаются, что это вы меня довели. Не отмоетесь от позора...

– Баб, ну что ты такое говоришь? Ну, не сердись, мы к маме уйдем, когда я рожу, – пыталась образумить Аида старуху.

Сергеа, стиснув зубы, молчал, но внутри все кипело: «Выродка, говоришь? Ну, я тебе устрою выродка!». Он уже знал, что у него будет сын. В своих мечтах он учил его первым шагам, носил на закорках, играл в футбол, ездил с ним на рыбалку, за грибами. А самое главное – запускал воздушного змея. Змей обязательно будет веселым, радостным, разрисованным ярко и празднично, с длинным хвостом из цветных тряпочек. Такой, чтобы люди, взглянув на небо, ахнули от его красоты. Он до сих пор помнит, как остро завидовал Шурке, когда дядя Толя – его отец, мастерил змея, а потом неуклюже и смешно бегал с ним по полю, высоко, как цапля, поднимая ноги, а Шурка радостно смеялся над ним. А когда змей взмыл в небеса – застыл с открытым от восхищения ртом. И как потом возвращался домой – гордо неся змея, и всем прохожим хвалился: «Это мой папа сделал!» Сергеа очень хотелось, чтобы его сын также гордился им, как Шурка когда-то...

В конце мая у бабы Лиды был день рождения – 90 лет. Такую дату решили отметить, как следует. Аида рано утром ушла к Роксане помогать готовить. Сергеа остался с бабой Лидой один в небольшой квартирке. День был воскресный, можно было поваляться в постели. Но валяться Сергеа не стал. Сразу после ухода Аиды, он встал, деловито порыскал по кухонному шкафчику, нашел бутылку с самогонкой, в таблетках отыскал димедрол. Раздавил три таблетки в стакане, и залил самогонкой. Когда димедрол растворился, он осторожно, чтобы не было осадка от таблеток, перелил все в рюмку, а стакан тщательно вымыл. Бумажки от таблеток предусмотрительно спрятал в карман. Заглянул в Лидухину комнатку. Старуха уже не спала. Она, одетая, сидела за столом, словно в ожидании поздравлений.

– Баб Лид, с днем рождения тебя!

Он знал, что Лидуха, хоть и старая, но никогда не откажется от рюмочки. Баба Лида радостно протянула руку:

– Ну, спасибо, сыночек, уважил. Первый поздравил. Эти лентяйки, еще, небось, дрыхнут?

– Да нет, уже на стол готовят. Настоящий праздник хотят тебе устроить. Только ты меня не выдавай. Это сюрприз. На вот тебе колбаски, закусить...

Лидуха выпила, и зажевала беззубым ртом, гоня колбасу от щеки к щеке.

– Ох, хорошо! – прошамкала она. – Ведь мне же, Сереженька, сегодня 90 годочков стукнуло. Никогда не думала, что столько проживу...

Сергеа вымыл за ней рюмку. Теперь надо подождать, пока Лидуха заснет. Таблетки разобрали старуху уже через полчаса. Она с трудом доползла до своей кровати, и, как была, не раздеваясь, завалилась на постель. Сергеа вышел на улицу, постоял, покурил, подождал еще минут двадцать, огляделся. На тихой окраинной улочке в этот час все словно вымерло: ни одной живой души. Погода стояла на редкость теплая, сухая, и все соседи, урывая момент, дружно копались по своим участкам. В доме было тихо, слышно было только, как спокойно похрапывает Лидуха. Сергеа начал поджигать теплую, синтетическую телогрейку, в которой она ходила и летом и зимой. Она даже не шелохнулась. «Видно, димедрол крепко даванул», – подумал Сергеа.

Когда телогрейка зачадилась вонючим дымом, он вышел, плотно закрыв дверь в комнату, а входную дверь – на ключ.

Посидел во дворе, покурил, унимая дрожь в руках. «Выродок! Ну, узнала теперь, кто выродок? – злобился он на старую Лидуху. – Никому на этом свете не позволю обижать Аиду, а тем более моего сына!.. Нет, ты только подумай, 90 лет старой – и сама не живет, и другим не дает. Как же мне надоели эти старухи! Ну, пожилые свое, уступите дорогу, дайте молодым спокойно жить. Так нет ведь, изгаляются, жизнь только отравляют окружающим. Одно зло от этих старух на этой земле. И до чего же они зловредны!» Сереге и в голову не приходило, что эти старухи тоже когда-то были молодыми, веселыми, и так же, как и он, сгорали от любви. Ему казалось, что они и родились сразу старыми, вечно чем-то недовольными, с бесконечными нравоучениями, угрозами, что Бог накажет, если...» Но на душе все равно было беспокойно.

«Да ладно, – принялся он успокаивать сам себя. – Вон, сейчас везде кричат про эту, как ее? Эвтаназию, что ли? Вроде, как помогают умирать. Ну, и я, считай, помог. Зажилась старушка. И сама устала, и других измучила»...

Он не терзался страхом перед неизбежным наказанием за содеянное. И вообще не верил во всю эту ерунду. Считал это бабкиными сказками, чтобы он лучше слушался. «Как зомби» – усмехнулся он. Сейчас он словно вырвался из паутины ее вечных нравоучений, команд, окриков. А в то, что Бог может его наказать, он не верил с 8 лет, когда из бабкиного кошелька стащил 5 рублей на мороженое.

– Не ты спер? – подозрительно спросила его бабка тогда.

– Не, ба, я не брал, – честно глядя в глаза бабке, врал Сережка.

– Смотри, Боженька ведь накажет. И за вранье, и за воровство. И то и другое – грех великий!

– А как он узнает? – поинтересовался Сережка. – Он же на небе.

– Бог он все видит и знает. У него око всевидящее! Каждому за дела его воздаст!

Сережка тогда представил себе такую картину. Сидит Бог за столом. А перед ним на блюде катается огромный круглый глаз. А Бог сидит и смотрит на него. Вот глаз катается, катается, а потом как подмигнет Богу! Это значит, что засек он, кто там, на земле грех совершил. И тут же фотографию грешника, как в телевизоре, Богу показывает...

Но Бог, так же, как и бабка в тот раз, не наказали Сережку. Прошлепали, значит, это дело. Грешил он и позже: курить начал в 12 лет, уроки пропускал, выпивал с пацанами, врал бабке, а Бог так ни разу его и не наказал. Видно, не было ему никакого дела до Сереги, впрочем, как и людям. «Видит око, да зуб неймет!» – усмехнулся Серега своим детским воспоминаниям. Он сплюнул, и пошел к Роксане. Идти было недалеко, через два таких же скособоченных, присевших дома. «Теперь, главное, чтобы к Лидухе никто не сунулся раньше времени».

Аидин отец, весь промасленный, сидел в гаражной яме, там же, около него крутился и Борис, колотя молотком по листу железа.

– Помогает? – пошутил Серега.

– Да, помощник растет...

Старая Матрена сидела на кровати и пела про удалого Хасбулата. Она очень любила петь и пела на удивление чистым и сильным для ее возраста голосом. «Вот где таланты пропадают», – усмехнулся про себя Серега.

– Здравствуй, баб Матрена! Все песни поешь?

– Пою, милоч, пою. Что мне еще делать-то осталось? Только песни и петь. Гальку-то мою непутевую давно не видал?

– Давно. Я ведь там сейчас не живу.

Старой Матрене про то, что Галина угорела, говорить не стали. Хоть и была Галина пьяницей, и изрядно помучила старуху в свое время, но, видно, так уж устроен человек: ко всему привыкает и привязывается душой. Даже к своим мучителям.

Аида, Роксана и Нино крутились на кухне. Аида пекла торт, Роксана вертела голубцы, Нино строгала салаты. Праздник, видно, задумали нешуточный!

– Вам помочь?

– Нет, мы сами тут справимся, а ты бы вскопал мне грядочку, – попросила Роксана. – Ну, как там наша именинница?

– Спит еще.

– Ты дверь-то закрыл на ключ? А то еще уйдет куда-нибудь...

– Закрыл. – Но ключ Роксане отдавать не стал.

– Аида, – Роксана заговорила что-то на армянском...

– Да забрала, забрала, – ответила Аида.

– Ну, я пошел...

Аида выскочила за ним в прихожую.

– Ты смотри тут без фанатизма, сына побереги... – погладил Серега выпирающий из-под фартука живот. – Ой, смотри-ка, дерется! Что мать-то спрашивала?

– А, – отмахнулась Аида, – забрала ли я спички от Лидухи. Бойтся, что себя подожжет, спички от нее прячет.

– Да просто пугает, старая...

Серега вышел на улицу подумал немного, вернулся и повесил ключ от Лидухиной квартиры на крючок в прихожей. Если и понадобятся, то найдут не сразу. Он пошел сначала в гараж к Арсену, помог ему снять мотор с «Жигуленка», посидел, покурил с ним, и только потом направился в огород.

Солнце жарило совсем по-летнему, о чем-то радостно и беспечно щебетали птицы. Земля просыпалась от зимней спячки, и, казалось, дышала, как живая. Сладкий дух, исходивший от нее, дурманил и пьянил. От прошедшего ночью дождя парило, и воздух был напоен теплом и покоем. Пряный аромат цветущей черемухи щекотал ноздри и будоражил. А как приятно было вонзаться лопатой в мягкую, податливую, изнемогающую от неги землю, вбирая от нее силу, здоровье, жизнь! Серега разделся до пояса, чтобы еще острее, всем телом ощутить силу, исходящую от земли, солнца, воздуха... Он с каким-то остервенением вонзал и вонзал лопату в животворящее тело земли. На какое-то время он даже умудрился забыть про Лидуху – так безмятежно и радостно было вокруг...

Он перекопал почти половину небольшого огородика, когда вдруг в тишину улочки острым клинком боли вонзился дикий и страшный Аидин крик. Слов было не разобрать, видно, она кричала по-армянски. И от этого гортанного, почти животного крика, было еще страшнее. Серега отбросил лопату.

На Аидин крик из дворов уже высыпали еще ничего не понимающие соседи:

– Что такое? Что случилось?..

Серега бросился в дом.

В зале, украшенном цветами и воздушными шариками, за накрытым к празднеству столом, Аида раненой птицей билась в истерике:

– Почему? Ну, почему? – выкрикивала она, стуча кулаками по столу, застеленному белой скатертью.

Перепуганный Борис жался к матери, виновато заглядывая в глаза:

– Мам, не плачь, ну, не плачь, мамочка, – твердил он, не зная как утешить маму...

Противный запах валерьянки перебивал аппетитные запахи свежей выпечки, жареного мяса, зелени...

– Что, что, что такое? – кинулся Серега к Аиде, отталкивая Нино.

– Ну, почему мы все горим? Почему мы все горим, и горим?... – истерично выкрикивала Аида сквозь слезы. Какой-то животный ужас вуалью опустили на ее почерневшее лицо.

– Успокойся, успокойся, родная, – слегка встряхнул ее за плечи Серега. – Что случилось? Кто горит?

– Ой, мамочка! – Аида вдруг схватилась за живот, судорожно напружинившийся комком живой плоти.

Нино по телефону вызывала пожарников.

– Нино, вызывай скорую! Где Роксана?! – в ужасе закричал Серега, увидев, как гримаса невыносимой боли скомкала Аидино лицо. – Аида, Аидочка, потерпи, сейчас скорая приедет, все будет хорошо. Господи, и зачем только ты туда пошла? – застонал он, помогая Аиде, обмякшей в его руках, удобнее устроиться на диване. И сам испугался своего вопроса.

– Мама у баб Лиды. Там пожар... Отец тоже туда побежал, – сбивчиво объясняла ему Нино.

Аида замолчала, сдерживая боль намертво сцепленными зубами.

– Ей шприц для крема нужен был, лебедей хотела сделать, – подкладывая подушки, торопливо говорила Нино.

– Каких лебедей? – не понял Серега.

– На торт... Она дверь открыла, а на пороге... ой, мамочка!.. – Нино в ужасе закрыла лицо руками.

– Ну? – поторопил ее Серега.

– Баб Лида обгорелая лежит... мертвая... страшная... глаза открытые, язык вывалился... и телогрейка на ней горит... – зашептала Сереге в самое ухо Нино, боясь перепугать Бориса.

– Ты видела, что ли?..

– Аида сказала...

На улицу с воем ворвалась пожарная машина. Минут через пять подъехала и Скорая.

– Нино, поедешь с Аидой в больницу, Борис – сиди дома, понял? – распоряжался Серега за старшего.

Около Лидухиного дома столпились соседи. Пожар уже был потушен. Дом почти не пострадал, только во дворе валялся мокрый, но все еще дымящийся матрас. Вскоре подъехала милицейская машина, вызванная пожарниками...

И тут все происходило, так, как рассчитывал Серега. Менты не стали заводить никакого уголовного дела. И без старухи дел по горло... Кто будет заморачиваться с выжившей из ума, безродной старухой, которая и так зажила на этом свете? Тем более что она уже не раз грозила поджечь себя. Одно только смущало милицию: Роксана упрямо твердила, что последнее время спички они от нее прятали, и в доме, действительно не было ни одного коробка, а в кулачке у старой Лидухи были зажаты три обожженные спички. «Е-мое! Как я мог забыть про них?» – испугался Серега. Спички ему попались то ли сырые, то ли некачественные: они с треском вспыхивали и тут же гасли. Серега торопился, и обгоревшие спички бросал тут же, на пол. Только с четвертой спички ему удалось запалить эту пропахшую старым телом, как тленом, телогрейку. «Наверное, подобрала, когда к двери ползла. Ишь ты, как жить хотела! Неужели за 90 лет еще не нажилась?» – искренне удивился он.

Соседи между собой посудачили, и вскоре забыли и про Лидуху, и про ее страшную смерть. У каждого своих забот хватает. Теперь можно было спокойно жить.

Но не все было так хорошо. У Аиды от пережитого стресса начались преждевременные роды. Врачам едва удалось спасти Аиду и ребенка. Денис, родился слабый, недоношенный, но это было еще полбеды. Самое страшное случилось с Аидой. Она, так ждавшая этого ребенка, почему-то не хотела его видеть и даже кормить грудью. Врачи сказали, что это бывает. Последовая горячка, что ли. Нужно время и терпение. «На все нужно время и терпение, – горько думал Серега. – Вся наша жизнь только и состоит из терпения. Сколько же можно терпеть? Только и делаем всю жизнь, что терпим и терпим. А жить-то когда?»

Пока Аида и Денис лежали в больнице, Серега не терял времени даром. Навел в доме порядок, сделал ремонт, чтобы выветрить запах гари. С помощью Роксаны и Нино обустроил детский уголок. На работе он теперь чуть не каждый день оставался после смены, чтобы

побольше заработать сверхурочных. Он боялся признаться самому себе, но одному ему было жутко оставаться по ночам в этой пустой и чужой квартире. И днем-то было не по себе, а уж ночью... Почему-то тетя Галя ни разу не приснилась ему, а тут... По ночам к нему то ли во сне, то ли наяву приходила старая Лидуха, тянула свои высохшие, морщинистые ручонки, и молча совала ему под нос три обгоревшие спички...

Аида пролежала в больнице почти два месяца. Когда, наконец, пришло время забирать ее с малышом домой, с Серегой в последний рабочий день перед отпуском произошел несчастный случай. В цеху взорвался кислородный баллон. По странной случайности никто, кроме Серегу не пострадал. Зато он... На нем свечой вспыхнула промасленная брезентовая роба, одетая на голое тело из-за жары. Обгорел Серега здорово: руки по локоть, грудь, живот, и самое главное – лицо. Он не помнит, как тушили на нем робу, как грузили на носилки. В себя пришел только на следующий день в больнице. Все тело болело, как один большой чирей. Голова – как пустой котел, и в ней пульсом билась одна только мысль: «Живой! Живой! Живой!». Рядом с кроватью на стуле сидела Аида. Серега сначала даже не узнал ее: так она постарела и осунулась за один день.

– Сереженька, милый мой, живой! – запричитала она по-старушечьи, увидев, что он открыл глаза.

– Живой, – попытался он улыбнуться ей.

Улыбки не получилось. Ожог на пол-лица, прихвативший губы, был чем-то густо намазан, что больно стягивало все лицо. Вместо улыбки получилась жалкая вымученная гримаса боли. При виде ее у Аиды все оборвалось внутри, и она, не выдержав, горько заплакала, уткнувшись в ладони и вздрагивая всем телом.

– Ну, почему же мы все горим и горим?..

Серега не стал ей ничего отвечать, только зло подумал про себя: «Что же она воеет по мне, как по покойнику? Не правда, я еще поживу!» Он закрыл глаза, чтобы не видеть Аиду, потому что не мог ее даже утешить. Перед глазами закрутился многоцветный, радужный калейдоскоп. Из кружочков, ромбиков, звездочек он постепенно сложился в веселого, смеющегося воздушного змея, совсем, как из детства. Змей разноцветным радостным столбом стал подниматься все выше и выше в небо. Туда, где за столом сидел Бог и крутил на блюдечке свое всевидящее око. А Серега, проваливаясь в черноту, пытался ухватиться руками за хвост змея. Но хвост, как живой, выскользнул, не давался в руки... «Все-таки он засек меня! Не врала бабка. Каждому за дела его...», – успел подумать Серега, теряя сознание.

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ

Сказать что июнь в Таджикистане самый жаркий месяц, это ничего не сказать. Столбик термометра в это время зашкаливает за 45 градусов. И каждый год кажется, что такого изнуряющего зноя еще никогда не бывало. Днем люди прячутся в здания, ища спасения от природной духовки. Редкий южанин выйдет без нужды в это время на улицу, когда под ногами мягко расплзается асфальт, горяча ступни сквозь подошву. Только особый случай, или работа могут выгнать людей в полдень на улицу.

В такой полуденный зной на центральной площади областного города, спасаясь в тени деревьев, маялась съемочная группа Республиканского Телевидения. В Ленинабаде еще не было своего Телевидения, и потому съемочные группы из Душанбе были частыми гостями в городе, никого особо не удивляя своим присутствием.

Человек шесть ожидали режиссера, который ушел в Областной театр договариваться о съемках. Как народ творческий, вчера группа допоздна «обсуждала» нюансы будущего телевизионного фильма, и сейчас все страдали от зноя и вчерашнего «обсуждения». Некоторые сидели на краю арыка, закатав штаны по колени, и опустив ноги в прохладные струи воды, другие дремали в «Рафике» с настежь открытыми дверьми, чтобы образовать хоть какой-то сквознячок.

Неожиданно водитель Ирий – толстый, добродушный мужчина, толкнул сидевшего рядом с ним около арыка осветителя Юрку:

– Юрка, смотри, вон твоя судьба идет!

– Да иди ты! – беззлобно отмахнулся от него Юрка.

На Телестудии он слыл малым добрым, но непутевым. Любил и выпить, и погулять, а уж девчонок менял, как перчатки.

– Да я тебе правду говорю, иди, а то будешь потом всю жизнь локти себе кусать, что упустил журавля в небе, – настойчиво толкал его Ирий.

– Ты чего, серьезно, что ли? – задумался Юрка. – Где?

– Вон видишь, маленькая такая в магазин заходит, – пальцем тыкал в сторону Гастронома Ирий. – Поверь моему жизненному опыту. Беги... – уже вслед сорвавшемуся Юрке внушал Ирий.

– А если не судьба? – засмеялся, оглянувшись Юрка.

– Вот заодно и проверишь...

Юрка увидел выходящую из Гастронома девушку, и неожиданно для себя самого, оробел, не зная, как начать знакомство, и буркнул первое, что пришло на ум:

– А сколько время, девочка?

Девушка, худенькая, миниатюрная, как Дюймовочка, напоминала подростка и страшно комплексовала, когда ее – 23летнюю, называли девочкой.

– Без четверти два, *мальчик!* – довольно грубо ответила она, с усмешкой оглядывая его рубашку, завязанную узлом на животе, закатанные по колени штаны и пляжные шлепанцы.

Юрка, сообразил, что чем-то обидел девушку, и, чтобы как-то исправить положение, понес:

– А вы не видели, цыплят еще не привезли?

Это было время, когда у всего населения великой державы было две проблемы: где найти поесть и как похудеть.

– А должны были?

– Ну да. Я за ними и пришел. А Вы, разве не за цыплятами?

– Нет, я за сметаной. – Немного оттаяла девушка, и с живостью подхватила животрепещущую тему. – Сметану тоже после обеда обещали завезти, а ничего нет. Сказали, зайти попозже. Но я думаю, что сегодня уже не привезут. Обычно, если что и завозят, то до часу дня.

– Так вы не будете ждать?

– Нет, я же на работе. Добежала узнать.

– А хотите, я Вам позвоню, если привезут? – невинно предложил свои услуги Юрка. – Мы все равно здесь рядом работаем, увидим. Вон, видите, Телевизионная машина стоит? Только Вы мне телефон свой оставьте.

– Так Вы из Душанбе?

– Ну да.

– А я там училась...

И оказалось, что у них масса общих знакомых. Что однажды на Новый год они совершенно случайно не встретились, потому что Ольга – так звали девушку, решила полететь домой на праздник, а ее однокурсницы встречали его в компании с ребятами на курс старше, на котором учился Юркин двоюродный брат. И Юрка тогда тоже был в этой компании...

Они проговорили, пока Юрке не начали сигналить, призывая на съемку. Он наспех записал Ольгин рабочий телефон на пачке от сигарет, посплюнявив спичку, и заверил:

– Я Вам обязательно позвоню. Даже если ничего не привезут.

«Ну конечно, – с иронией подумала Ольга, – позвонишь! Сигареты кончатся, и пачку выкинешь». Ей понравился этот веселый и необидчивый парень. Так бывает в жизни: один только раз взглянешь на человека, и понимаешь, что это твое – близкое по духу и почти родное. А на другого глядишь годами, но ничего не видишь и не чувствуешь...

Юрка позвонил через два дня. На первое свидание он пригласил Ольгу в недавно открытое новое кафе.

– Тебе, наверное, руки помыть надо? – первым делом спросил он.

– Ну конечно, я же после работы.

– Тогда тебе сюда, а мне – сюда, я здесь уже был.

На дверях туалетных комнат еще не было обозначений, и Ольга спокойно отправилась туда, куда указал Юрка.

Она открыла дверь в одну из кабинок, и обомлела: к ней спиной стоял здоровенный мужик, занятый своими интимными делами...

«Он специально это сделал?» – первое, что пришло на ум Ольге. Она настолько растерялась, что не сразу сообразила, что надо как можно быстрее уносить отсюда ноги.

По фойе уже метался перепуганный насмерть Юрка:

– Ты извини меня, я все перепутал! – кинулся он к Ольге.

– А что же не зашел? – недоверчиво спросила Ольга.

– А вдруг ты... – засмутился Юрка.

– Ну ладно проехали...

Юрка удивлялся самому себе: «Что это со мной?». У него, пробивного, веселого, с легкостью решающего все проблемы парня, сейчас все не клеилось, получалось как-то смешно и нелепо.

Они просидели в кафе до самого закрытия. Им многим надо было поделиться друг с другом. Когда вышли, оказалось, что Ольге уже некуда идти ночевать. Она была лишняя в доме отчима, и старалась, как можно реже появляться там. Лишней она была и в бывшей когда-то родной квартире, где теперь жил брат с семьей. И потому жила у одинокой троюродной сестры – Нели, которая была старше ее на десять лет. Но в микрорайон, где жила сестра, уже не ходил транспорт. И пока они пешком дошли до ее дома, было 2 часа ночи. И хоть у Ольги были свои ключи, но будить Нелю в такой час было неловко.

– Пойдем, погуляем еще! – понимая ситуацию, предложил Юрка, и Ольга с легкостью согласилась.

Они, уставшие и счастливые, бродили по спящему, остывающему от дневного зноя, городу до рассвета. Забрели на пустынный городской пляж. Юрка, скинув одежду, радостно полез в холодную воду. Ольга наотрез отказалась – не было купальника. Потом, пока Юрка обсыхал, валялись на деревянных лежаках, целуясь до самозабвения. От первых сладко пугающих объятий им было весело. Шутили, что сошлись «лед и пламень». Юрка – мокрый и холодный приятно остужал, а Ольга отдавала ему свое тепло. И когда по городу поехали поливальные машины и первые троллейбусы, им уже казалось, что они знают друг друга всю жизнь. Так легко и уютно им было вместе.

– Пошли ко мне в гостиницу, поспишь хоть два часа до работы, – предложил Юрка, видя, что Ольга валится с ног от усталости.

– Неудобно. Я лучше к Неле поеду.

– А какой смысл? – принялся уговаривать ее Юрка. – Только доедешь, и надо обратно ехать. А так хоть часа два поспишь.

Им повезло: администраторша сладко дремала за стойкой, и даже не подняла головы на их шаги. И сосед по комнате – осветитель Васька, услышав скрип двери, только перевернулся на другой бок.

Юрка, показывая на кровать, едва слышно прошептал:

– Ты ложись.

– А ты?

– Я на полу.

Ольга прилегла, в чем была – не раздеваясь, и минут через пять, сморенная бессонной ночью, уже спала. Юрка, помучившись на полу, решил, что ничего страшного не будет, если он приляжет на краешке кровати. И осторожно, боясь разбудить Ольгу, он прилег рядом, боясь коснуться ее, чтобы не потревожить сон...

Проснулась Ольга от грохота.

– Землетрясение? – испуганно вскинулся Васька.

С пола поднимался сконфуженный до цвета свеклы Юрка.

– Да сон дурацкий приснился, – смущенно бормотал он. – Сестра племянника укладывала спать, и говорит: «А ты чего тут развалился? Подвинься». Ну, я и подвинулся...

Васька ржал совершенно непотребно. И только немного успокоившись, заметил Ольгу:

– А это что за явление? – вытаращил он глаза.

– Потом объясню, – махнул на него рукой Юрка, злясь на его хохот.

Ольга взглянула на часы:

– Вовремя тебя сестра разбудила! – едва успокоившись от смеха, заторопилась она. – Я побежала.

– Я провожу тебя...

В этот же день после обеда они сидели в тенистой аллее. Юрка принес пакет урюка, и, выбирая лучший для Ольги, вдруг грустно вздохнул:

– Тридцать восемь...

– Ты что, считаешь, сколько я съела? – опешила Ольга.

– Нет, я считаю, сколько дней осталось до конца командировки...

Вечером Неля охладила Ольгины восторги по поводу ее нового знакомого:

– Не обольщайся, у командировочных, как правило, любовь закрывается вместе с командировочным листом!

Ольга всегда считалась с мнением Нели, потому что та была старше, да к тому же еще работала врачом психиатром. И сейчас она не стала ей возражать, хоть и подумала упрямо, что

в Неле говорит обиженное самолюбие. Когда-то давно, ей изменил муж с ее лучшей подругой. И с тех пор у Нели было довольно предвзятое отношение к мужскому полу.

«Как будто из правил не бывает исключений! Просто она не знает Юрку. Он не такой», – успокаивала себя Ольга.

За тридцать восемь дней Ольга с Юркой сблизилась настолько, что уже не мыслили жизни друг без друга. Говорили о свадьбе, о дальнейшем совместном проживании. О любви почти не говорили. Все было понятно без слов. Юрка только просил дать ему время, чтобы решить, где они будут жить в Душанбе.

Расставание, как его не ждали, легло свинцовой тяжестью на сердце. И хоть Юрка звонил чуть не каждый день, но Ольге не хватало его. Она обрадовалась, когда неожиданно в начале осени ей предложили командировку в Душанбе. Казалось, летела туда не на трясущемся АН-24, а на крыльях любви. Юрка встречал в аэропорту, и с первых же минут огорошил:

– А у меня завтра командировка в Шартуз.

– Как командировка? А ты не можешь отказаться? – расстроилась Ольга. – Ведь я только на неделю...

– Это всего два дня. Мы еще увидимся.

Когда через три дня Юрка не пришел, Ольга решила сама позвонить ему на работу.

– Откуда вернулся? – удивились на другом конце провода. – Да он и не уезжал никуда...

И Ольга тихо повесила трубку. Это был не удар – нокаут! До конца ее командировки Юрка так и не появился. И Ольга больше не звонила – и так все понятно...

Родной город стал ненавистным для Ольги. Куда бы она ни шла, все напоминало о Юрке, о прошедшем лете. На работе было невыносимо стыдно от понимающих взглядов коллег, когда она бросалась к телефону на каждый звонок. Дома – от молчаливого сочувствия Нели. Даже деревья в аллее, где они совсем недавно встречались, плакали, роняя пожухлые листья, по ее несбывшимся мечтам, по лету, уходящему в небытие. «Крокодиловы слезы!» – зло думала Ольга. Надо было что-то делать, чтобы уйти из этого замкнутого круга воспоминаний. И она решила: дядя, живший в Ленинграде, давно звал ее переехать к ним.

Ольга уезжала с надеждой, что новая жизнь, новые люди помогут вычеркнуть из памяти жаркое лето, не понимая, что от памяти, как от самой себя, не убежать. И вот уже сквозь пелену холодных и тоскливых Питерских дождей она искала знакомую фигуру и походку, надеясь на чудо: у Юрки в Ленинграде жила старшая сестра. А суровый город, подыгрывал, насмехаясь над ней. Новая жизнь и новые знакомства не спасали от воспоминаний. В каждом новом знакомом Ольга искала Юрку... И не находила. Оказалось, что он был один-единственный на этом свете. Говорят, что время – самый лучший лекарь. Ольга поняла, что все это неправда. Оно не лечит, а лишь стирает память, но то счастливое лето не отпустило...

Спустя три года Ольга получила письмо. Подчерк на конверте был похож на Нелин – по медицински размашистый и неразборчивый. От первых же строк письма ноги у Ольги подкосились...

«Здравствуй, солнышко! – писал Юрка. – Адрес твой выпросил у твоей подруги Нины. Ты не ругай ее. Чувство вины меня измучило, и как преступника на место преступления, так и меня тянет покаяться, чтобы ты не думала, что я – последняя тварь. Когда мы с тобой расстались в Ленинабаде, я очень много думал о нас. Ты умная, серьезная, у тебя образование, профессия. Ты достойна лучшего в этой жизни. А что я? Я ничего не добился. Что я мог тебе дать? Я понимал, что не смогу сделать тебя счастливой, и потому решил, что не имею права портить тебе жизнь. Поверь, я с кровью вырывал тебя из сердца, и думал, что пройдет время и все забудется. Но ничего не забывается. Наверное, Ирий был прав. Я упустил своего журавля. Будь счастлива за нас двоих».

Ольга никак не могла унять нервную дрожь. Она без конца перечитывала короткое Юркино письмо. А слезы, помимо воли, текли и текли из глаз. И это были слезы, освобожда-

ющие от боли и обиды. Счастливые слезы прощения и радости, что все ожидания позади. Ведь для любящего сердца не важно, кто ты в этой жизни, главное, что ты есть.

ЛЕТО В ГРУЗИИ

В один из отпусков мы с мужем поехали в Грузию. Муж мой – наполовину грузин, родни на его исторической родине много, и все давно звали в гости.

Сначала мы остановились у тети Норы в Тбилиси. Я была очарована этим городом. Мы побывали на знаменитом базаре, побродили по узким улочкам старого Тифлиса, перепробовали весь ассортимент воды Логидзе, покатались на фуникулере, любуясь красотами города с птичьего полета. Позагорали на берегу Тбилисского моря, ходили по музеям и выставкам...

Когда с культурной программой было закончено, мы, наконец, отправились в главный пункт нашей поездки – в деревню к тете Соне. Туда, где, шумно перекатываясь на камнях, торопится к теплому морю своенравная и гордая Риони. Там, на берегу древней реки в горной деревне недалеко от Мамисонского перевала стоял наш старый родовой дом, оберегаемый второй теткой – Соней. Это была уникальная тетка! Поэтому немного расскажу о ней.

Тетя Соня до пенсии проработала учителем математики в деревенской школе. Высокая, худая, слегка мужиковатая, с гладко зачесанными и собранными в пучок седыми волосами, в старомодных тяжелых очках, всегда в строгом темном костюме она одним своим видом внушала трепет и уважение. Под стать ее наружности, был и характер: своенравный и гордый. Так, повздорив когда-то с сестрой Норой, она запретила переступать порог дома не только ей, но и ее детям. И когда те приехали в деревню навестить нас, то не посмели даже войти в дом. Так и стояли на улице за калиткой, пока Гошка не пригрозил тете Соне, что мы завтра же уедем домой. Только после этого она смиростивилась, и разрешила им войти. Но за стол с нами так и не села.

В деревне тетя Соня, как человек грамотный, почиталась консультантом по всем вопросам, и заниматься хозяйством ей было недосуг. Потому хозяйство ее пребывало в самом плачевном состоянии. День ее обычно начинался с обхода односельчан. Там же она чаще всего завтракала, обедала и ужинала.

Односельчане уважали тетю Соню, и она была неизменным гостем на бесконечных свадьбах, крестинах и панихидах, вместо свадебного генерала. И, надо сказать, не только в нашей деревне и даже районе. Ей слали приглашения со всех концов Грузии.

Тетя Соня знала всех близких и дальних родственников не только в Грузии, но, кажется, и по всему Советскому Союзу. Она могла часами рассказывать, какая семья и от какого прапра-пра... вела свою генеалогическую ветку. Казалось, она отследила всех наших предков еще со времен Адама и Евы. Любимая ее шутка была про Колумба, когда тот сошел на берег Америки, а там его встретил грузин! Я думаю, что она имела в виду, что и он был из нашего рода.

Тетя Соня была настоящим архивариусом нашего рода! У нее хранилось несметное количество фотографий всех родных, о которых мы и понятия не имели! Фотографий было столько, что кроме пяти больших альбомов, предназначенных для самой близкой родни, они едва умещались в двух чемоданах. В особой коробке хранились несколько самых ценных фотографий из ее коллекции. Старинные, пожелтевшие от времени, еще дореволюционной работы. Все на толстых картонных подложках, с витиеватыми надписями на обратной стороне «Санкт-Петербург, фотография Д.С.Здобнова, Н. Елецкого на Моховой» или «фот. Б. Мищенко г. Тифлис». С них со строгой надменностью взирали далекие предки моего мужа, одетые в черкески с газырями, при кинжалах. На стульях сидели женщины в грузинских национальных одеждах и головных уборах, украшенных кружевами, с маленькими детьми на руках, в которых тетя Соня без труда угадывала двоюродных и троюродных тетей, дядей, чьих-то дедушек... Хранилась у нее непонятно, как попавшая в ее архив и фотография губернатора Тифлиса дореволюционных времен.

Особой ценностью была царская гербовая бумага 1836 года за подписью наместника Грузии, в которой извещалось, что прапрадед моего мужа является свободным крестьянином.

Но самая большая ценность, которую тетя Соня хранила, как зеницу ока – был кинжал в кожаных ножнах, украшенных черным серебром с позолоченной инкрустацией и кожаная амуниция к нему с различными насадками, бляхами и газырями тоже из серебра и с такой же позолотой. В этой амуниции был даже серебряный кошелек для золотых монет. Он был чуть больше спичечного коробка с защелкивающейся крышечкой. Кожа на ножнах и амуниции от времени высохла и задубела, но это нисколько не умаляло ее ценности. Еще в доме были две серебряные чарки с личным клеймом. Фамилию мастера на клейме было не разобрать, зато год 1812 был виден отчетливо.

Была в домашнем музее тети Сони даже посуда с царского стола! Самый старший из братьев деда моего мужа служил у Николая II поваром и изредка одаривал ею своих родственников. В «запасниках» у тети Сони бережно хранились две хрустальные пивные кружки, шесть стаканов, чайник с серебряным ситечком, молочник и серебряная ложечка. Из чего я сделала вывод, что «несуны» – зло неискоренимое.

Тетя Соня была старой девой. И не потому, что в молодости у нее не было женихов. Просто, по грузинским обычаям хозяином дома мог быть только мужчина из своего рода. Судьба же распорядилась так, что оба старших брата тети Сони – дядя Леня и мой свекор еще в конце двадцатых годов вынуждены были уехать из Грузии. Сразу после ареста их отца. Старших же сестер – Нору и Галину мужья увезли в свои дома. А тетя Соня – самая младшая, после смерти родителей осталась охранять очаг родового дома, чтобы он не погас. Ввести в дом чужого мужчину по законам горцев, она не могла. Так и охраняла нажитое веками для наследников – моего свекра и мужа – единственных мужчин, оставшихся в нашем роду к тому времени.

Из рассказов тети Сони о наших многочисленных предках я запомнила, только, что мы совсем не те, кем себя считаем! Мы, оказывается, не крестьяне, пусть даже и свободные, а исходим из гордого княжеского рода!

Когда-то очень-очень давно в Кахетии жили два брата – князя Виблиани. И один из них полюбил простую девушку-селянку. Но никак не решался сказать об этом отцу. Боялся, что тот не даст ему разрешения на этот брак. И пока он собирался с духом, к отцу то ли погостить, то ли с инспекцией приехал царский наместник. И надо было такому случиться, чтобы эта девушка попала ему на глаза. А так как девушка была неопишуемой красоты, то наместник не удержался, и захотел воспользоваться, если можно так сказать, «правом первой ночи», а помог ему в этом отец молодого князя, ни сном, ни святым духом не знавший о чувствах сына. Он и отправил девушку прислуживать наместнику, строго настрого наказав при этом ни в чем ему не отказывать...

Влюбленный же молодой князь, узнав о произошедшем, не выдержал такой усмешки судьбы, и зарезал наместника, отомстив за честь девушки. После чего отец молодого князя вынужден был отослать обоих своих сыновей из Кахетии, чтобы спасти свой род от царского гнева, а может быть, и от уничтожения. Так два брата Виблиани волею судеб оказались в горной Раче¹. И в затерянной в горах деревушке поменяли не только фамилию, но и высокое происхождение. От этих двух братьев, собственно, и пошел наш род.

Потомки этих братьев, я полагаю, были задиристыми ребятами. Потому что лет двести, а может, и триста пребывали кровниками² с осетинским родом, живущим в соседнем селении. И так долго они поочередно уничтожали друг друга, что даже в начале прошлого века они умудрились попасть в переделку. Дедушка моего мужа, отправившись однажды с младшим

¹ Рача – горная местность в верхнем течении р. Риони.

² Кровники – люди, находящиеся в кровной вражде.

братом в лес за дровами, встретили там вооруженного осетина из враждующего рода. Этот осетин по закону гор должен был убить одного из братьев, и благородно предложил им:

– Выбирайте, кто из вас сегодня умрет!

И тогда младший брат сказал старшему:

– Пусть убивает меня!

Наш дедушка возразил:

– Почему тебя? Я – старший, значит, я – глава рода! Пусть убивает меня!

На что младший резонно ответил:

– У тебя четверо детей, а у меня одна единственная дочка. Лучше осиротить одного ребенка, чем четверых.

На том и порешили. С тех пор жена младшего брата с дочкой Галиной жили в доме дедушки, и для нас Галина тоже была родной теткой.

Добрались мы до деревни вечером. По-южному рано и густо темнело. Я была здесь впервые, и была поражена запущенностью сада. Полувекковые груши, яблони и сливы видно так устали от тяжести никогда не обрезаемых веток, и никем не собираемых плодов, что завалились, где друг на друга, а где и на дом. Не видно было и огорода, обязательного для деревенского дома. Только на следующий день я отыскала в траве жалкое подобие грядочки, засеянной кориандром. Это и был весь тети Сонин огород.

А когда мы шли по тропинке к дому, на дереве вдруг неожиданно и резко захлопала крыльями какая-то огромная птица, разбуженная нашими шагами.

– Не бойся, – успокоил меня муж, – это курица.

– Кто? – не поверила я. – Курица?! А что она там делает?

– Спит. – Спокойно пояснил муж.

– Ты разыгрываешь? Первый раз слышу, чтобы курицы спали на деревьях.

– У тети Сони еще и не то увидишь, – засмеялся Гошка. – Они у нее живут сами по себе.

Спят, где хотят, несутся, где хотят...

– У нее что, курятника нет?

– Есть, только загонять их туда некому.

– А тетя Соня?

– Ей некогда. – Пожал плечами Гошка.

– А зачем же она завела их?

– Они у нее сами разводятся.

– Чудеса в решете...

– Никаких чудес. Нанесут где-нибудь в укромном месте яиц, усядутся на них, а потом выводят на свет цыплят...

Большой двухэтажный дом, с выложенным из камня фундаментом, с железной крышей, опоясанный открытыми террасами из орехового дерева по обоим этажам поразил меня еще больше. Нет, не размерами, а каким-то безрадостно-нежилым видом. Давно немые, неприлично голые окна, затянутые паутиной с засохшими мухами. Двери, выходящие на открытые террасы, с облупившейся от дождей краской. Какой-то весь неухоженный и сиротливый.

Муж знал, где тетя Соня оставляет ключи, и мы сразу же поднялись на второй этаж, чтобы оставить свои вещи. Потом Гошка устроил мне ознакомительную экскурсию по дому. На втором этаже, куда вела массивная деревянная лестница, были расположены четыре комнаты, а на первом – три. От этой экскурсии чувство угнетенности и сострадания к этому заброшенному дому только усилилось. Нагромождение ящиков, коробок, чемоданов, тюков, рулонов из старых, еще ручной работы ковров, штабеля постельного белья, груды старой обуви и одежды, которые усердно поедались мышами. Наверное, если хорошо покопаться в этих завалах, можно было отыскать даже княжеские наряды братьев-родоначальников. Такое впечатление, что это был не жилой дом, а какая-то костюмерная, совмещенная с бутафорской.

Обжитая комната в доме была одна – центральная на первом этаже, где и обитала хозяйка. Когда я зашла в нее, мне показалось, что я заблудилась не только в другой культуре, но и в эпохе. Огромный выцветший самотканый ковер украшал стену, вдоль которой стояла тахта, застеленная таким же ковром. Вдоль другой стены выстроились в ряд старинный буфет из мореного дуба и два таких же книжных шкафа по бокам. По середине зала стоял мощный квадратный стол, застеленный гобеленовой скатертью, а вокруг него и вдоль двух окон у входной двери – с десяток массивных, грубых стульев с прямыми спинками. За столом, у глухой стены стояла печь, труба от которой, замаскированная под колонну, уходила на второй этаж. Она, скорее всего, выполняла еще и опорную роль. Потому что по площади зал замещал две верхних комнаты. На печи, спрятанной за колонной, обыкновенной, со съемными чугунными конфорками, по ранжиру выстроились три старинных чугунных утюга... Если бы не одинокая лампочка, свисавшая с потолка, да радио на подоконнике, вещавшее что-то на грузинском языке, можно было подумать, что мы попали на съемку исторического фильма.

Буфет и книжные шкафы, наполовину заполненные книгами, были завалены несметным количеством вещей... Чего тут только не было! Фаянсово-медные патроны с выключателями от «лампочек Ильича» времен всеобщей электрификации. Дореволюционные фарфоровые кувшинчики из-под французского коньяка фирмы «Бордо» с шутивными надписями на крышечках: «Попей, попей – увидишь чертей» и «У каждого полковника жена – генерал». Ржавая металлическая банка из-под кофе Мокко от Товарищества «Сергея Васильевича Перлова» тех же времен... И много-много другого. Настоящий музей!

Гости обычно устраивались в комнатах второго этажа, чем мы сразу же и занялись после осмотра дома. Здесь уже веяло «цивилизацией». Железные панцирные кровати, комоды и шкафы конца 50-х годов, безжизненный телевизор «Рубин» и приемник «Урал». Наше устройство началось с перетаскивания лишних вещей в соседние комнаты.

За этим занятием нас и застала тетя Соня:

– Гогия, наследница моя! – бросилась она обнимать мужа. – Какой же ты стал! Я тебя таким хорошим еще никогда не видала!

Гошка всегда был ее самым любимым племянником. Все остальные племянники и племянницы были для нее цветами на древе нашего рода. Красивыми, но искусственными. А он – живая веточка этого дерева, за которой нужен особый уход и забота, которую нужно защищать от буйного ветра, от палящего солнца и лютых морозов, чтобы она принесла плоды.

Она была несказанно рада нашему приезду, но в доме не было не только праздничного ужина, но, к моему удивлению, вообще ничего, чем можно было бы перекусить. Только тут я поняла, почему муж упорно настаивал, чтобы мы в такую даль везли с собой продукты. Пришлось нам на скорую руку из привезенной тушенки соорудить походный ужин.

– Купила холодильник к вашему приезду, а он сломался. Надо его в район везти. – Объяснила тетя Соня. – Ну, ничего, завтра курицу зарежем, яйца найдем... Вот Додо... Гогия, ты же помнишь Додо? ... передала лаваша и мацони³. А завтра с утра еще свежего молока принесет... – суетливо вытаскивала из сумки гостинцы тетя Соня.

Пока я собирала немудреный ужин, муж оглядел холодильник. Вся его «поломка» состояла в том, что терморегулятор был отключен – стоял на нуле. Стоило его повернуть, и холодильник заработал. Восторгам тети Сони не было конца!

– Вай мэ! Мастэр! Настоящий мастэр!

На следующий день, наверное, с полдеревни шли и шли к нам с просьбами починить холодильники, телевизоры, радио, стиральные машинки. Сама же тетя Соня, оббежав деревню, уехала в районный центр добывать продукты. В те времена их еще не покупали, а «доставали».

³ Мацони – кислое молоко, род кефира.

Так мы и отдыхали: тетя Соня с раннего утра отправлялась в свои бесконечные вояжи по деревне, району или еще дальше. Мы же были предоставлены сами себе. Навещали родственников, муж по мере своих способностей что-то ремонтировал им, ходили в лес за грибами, которые в деревне никто и никогда не ел. И каждый встречный по этому поводу утрашающе предупреждал нас: «Это арка⁴!» Взбирались на горные вершины, овеванные нежнейшей вуалью голубой дымки, устраивали пикники на берегу Риони, бродили по старому кладбищу, на котором стояли руины каменной церквушки VI века, искали могилы предков, философствуя о бренности бытия...

Я первый раз была в Грузии, и мне многое было удивительно. И то, что газированная вода бьет прямо из-под земли, что нет-нет, да и встретишь в лесу булькающий источник то с серой, то с красной глиной, словно кто-то под землей постоянно кипятит эти лужицы. А природа! Именно такими я и представляла себе «райские кущи». Недаром же грузины говорят, что шесть дней Бог создавал Землю, а на седьмой решил отдохнуть, и создал этот благословенный край...

По вечерам мы встречались с тетей Соней за ужином, подолгу пили чай на террасе, слушали ее рассказы о родственниках, перемежаемые сетованиями по поводу того, что у нас до сих пор нет малыша. В них слышалась горечь, что наш род может и закончиться.

Однажды она нам посоветовала сходить в дальний лес за хутором лесника. Мой муж, в детстве чуть не каждое лето проводивший в деревне, хорошо знал туда дорогу. Там, высоко в горах был целебный грязевой источник.

По поверью, в старые времена, наверное, тогда же, когда в деревне появились братья—родоначальники, в нашей деревне неожиданно перестали рождаться дети, и жизнь в деревне замерла. Сельчане и Богу молились, и обеты разные давали. И однажды, одна молодая и красивая, но бездетная женщина, собирая в лесу хворост, набрела на этот источник. Она решила отдохнуть около него, и, задумавшись о своей злой участи, стала горевать и плакать: «О, горе мне злосчастной! Зачем мне моя красота? Лучше бы я была такой некрасивой, как эта грязь, только был бы у меня ребеночек!» И от безысходности, она обмазала грязью свое красивое лицо, а потом и все тело. И свершилось чудо – через девять месяцев в их семье родился мальчик! После этого случая в деревне снова стали рождаться дети, и снова зазвенел детский смех над деревней. И все невесты до сей поры обязательно ходят к этому источнику перед свадьбой. А мужчины для принятия процедур на быках затащили к нему чугунную ванну. Мы с Гошкой, конечно, использовали этот шанс. Но, как оказалось, тетя Соня в целях продолжения нашего рода на этом не остановилась...

Скоро мы устали от застолий у родственников и соседей, где обязательно угощают вином и чачей, и каждый хозяин считает личной обидой, если мы откажемся отведать его вина. Поэтому мы решили сделать косметический ремонт хотя бы в двух комнатах. С раннего утра муж отправился в районный центр по хозяйственным магазинам, чтобы прикупить все необходимое для ремонта.

⁴ Арка – гриб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.